

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ КАЛМЫЦКИХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН

Манджиева Б.Б.¹

¹ФГБУН Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Элиста, Россия (358000, Элиста, ул. Илишкина, 8), e-mail: mbbairta@yandex.ru

Статья посвящена изучению калмыцкой колыбельной песни. В современной фольклорной традиции калмыков колыбельные песни известны как «бүүвэн дун», «саатулын дун». В представлении предков калмыков колыбельные песни выполняли очень важную функцию – функцию магической защиты младенца от болезней, злых сил и даже смерти. Исполнение колыбельной песни отражено в сюжете калмыцкой сказки о Будигар-Мерген-батаре. В калмыцкой колыбельной песне ребенка называют ласкательными именами, выраженными сравнительными оборотами, параллелизмами, эпитетами. Размеренная мелодия колыбельной песни успокаивала ребенка, приучала к человеческой речи, посредством колыбельной песни калмыки учили ребенка родному языку, расширяли его предметный мир. Автор выявляет основные функции колыбельной песни калмыков, изучает поэтико-стилевые особенности, а также отмечает важную роль песен в формировании личности человека.

Ключевые слова: калмыцкая колыбельная песня, ребенок, мать, оберег, качание, окружающий мир.

ON THE QUESTION OF STUDYING THE KALMYK LULLABIES

Mandzhieva B.B.

Federal State Budgetary Institution Kalmyk institute of humanitarian researches of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia (358000, Elista, Ilishkin St., 8), e-mail: mbbairta@yandex.ru

The paper studies the Kalmyk lullaby. In modern folk tradition Kalmyks lullabies known as "bүүвэн дун", "saatulyн дун." In the view of the ancestors of the Kalmyks lullabies performed a very important function - the function of magical protection baby from illness, evil forces, and even death. Execution lullaby is reflected in the story of the Kalmyk tales about Budigar-Mergen-battery. In Kalmyk lullaby baby endearment called names pronounced comparative revolutions, concurrency, epithets. Measured lullaby melody soothed the child accustomed to human speech by lullaby Kalmyks were taught the native language of the child, extends his objective world. The author reveals the basic functions lullaby Kalmyks, exploring poetic and stylistic peculiarities, as well as the important role of the songs in the formation of human personality.

Keywords: Kalmyk lullaby, baby, mother, guardian, swing, the world.

Колыбельная песня для детей занимает значительное место в фольклорных напевах разных народов. Первым фольклорным жанром, с которым знакомится ребенок, является колыбельная песня. В давние времена колыбельная для ребенка была своеобразным оберегом от злых духов и родители пели колыбельные песни для детей постоянно, но при современном темпе жизни, не всегда находится время спеть ребенку на ночь, мамы зачастую не придают особого значения такому понятию, как колыбельные песни, заменяя их, в лучшем случае, на спокойную музыку. При этом они забывают, что колыбельная для детей – это способ общения с ребенком, который имеет большое влияние на его развитие и дальнейшее формирование, как личности.

Колыбельные песни исполнялись матерями, бабушками, которые укачивали младенца на руках или в колыбели. П. Смирнов дает следующее описание калмыцкой люльки: «Простые калмычки, по разрешению от бремени, летом завертывают новорожденного в какую-нибудь тряпку, если же зимою, то сверх тряпки обернут еще овчиной. Потом

закупоривают его в большой деревянный ящик, сделанный из тонких дощечек. Вместо крышки верхнюю часть импровизированного футляра опутывают веревкой вроде шнурков. Для глаз, дыхания и естественных отправления в известных местах оставляют отверстия. В этом футляре держат ребенка до тех пор, пока не подрастет» [9].

В представлении наших предков колыбельные песни выполняли еще одну очень важную функцию – функцию магической защиты младенца от болезней, злых сил и даже смерти. Т.Г. Басангова, рассматривая функции магической защиты младенца, пишет: «Процесс рождения младенца, разрешения от бремени носит название «*көлән татх*» (букв. тянуть ноги) или «*цаһан төр*» (белое дело). Роды принимает тетушка – старейшина рода. Приняв роды, старуха-повитуха заворачивает новорожденного в свой подол, предварительно встряхнув край платья три раза. В данном обряде на первый план выходит такая часть одежды, как подол. В калмыцкой бытовой культуре подол выступает как охранительный элемент, известно, что в целях предотвращения сглаза подолом вытирали лица детей. Встряхивание подола – это избавление от злых сил» [4]. После купания ребенка заворачивали в целях предохранения от сглаза в старую поношенную пеленку, изготовленную из подола матери или рубашки отца, обладающих охранительными свойствами. Через одежду отца устанавливалась связь между ребенком и его отцом [6].

В фольклорной традиции ойратов сохранился йорял-благопожелание калмыцкой люльке (*өлгә*):

– *Оосрнь бат, өлвгнь зузан, үсниңг цаһан.*

– *Пусть завязь [у люльки] будет крепка, постель – толста, бела, как молоко.*

Наиболее полно йорел-благопожелание сохранился в фольклорной традиции синьцзянских калмыков.

Родившийся по желанию

Ранее сказанных йорелов,

Родившись по благословию

Небесных покровителей-зая,

Хозяин быстрого скакуна,

Мой сын, нареченный Улан Хонгором,

Лежишь ты в широкой колыбели,

Смастеренной из красного сандала,

Посасывая белый овечий хвост [11].

Исполнение колыбельной песни отражено в сюжете калмыцкой сказки о Будигар-Мерген-батаре. Согласно сюжету сказки, богатырь Будигар-Мерген, находясь в поиске своей

сестры, Богдан Кёлчин Кёкюл, проходил мимо одной кибитки и случайно услышал колыбельную песню, которую пела старуха:

Бувагин өврэс уйгсн мини,	Привязанный к рогам коровы,
Булмин кирмэр цуглсн мини,	Завернутый в поношенную пеленку,
Будьһр Мергни зелэни,	Будигар-Мергена племянник,
Богдан Колчин Көкүлэни.	[Сын] Богдан Кёлчин Кёкюля.

Войдя в кибитку Будигар-Мерген увидел старуху, качающую ребенка – его племянника, который родился во время поисков сестры. Бабушка по просьбе богатыря еще раз спела колыбельную песню о том, что это племянник богатыря по имени Будигар-Мерген, сын Богдан Кёлчин Кёкюля, то есть сестры богатыря [10].

В фольклорной традиции калмыков колыбельные песни называются «бүүвэн дун», «саатулын дун». Впервые один из образцов этого жанра был опубликован профессором А. Ш. Кичиковым и его дочерью Р. А. Кичиковой [7].

Арчад орксн альмн болгсн, бүүвлдэ – бүүвлдэ,
Аав-ээждэн баран болгсн, бүүвлдэ – бүүвлдэ,
Агт күлгин эзн болгсн, бүүвлдэ – бүүвлдэ,
Алтн шарһин живр болгсн, бүүвлдэ-бүүвлдэ,
Ах, эгчдэн түшг болгсн, бүүвлдэ-бүүвлдэ,
Арц-сангин үнр болгсн, бүүвлдэ-бүүвлдэ,
Алг цецгин үзл болгсн, бүүвлдэ-бүүвлдэ,
Һазад далан дольган болгсн, бүүвлдэ-бүүвлдэ,
Һалвр зандна бүчр болгсн, бүүвлдэ-бүүвлдэ,
Эк орни тулг болгсн, бүүвлдэ-бүүвлдэ,
Эвдрл дээсни дарлһ болгсн, бүүвлдэ-бүүвлдэ.

Словно вытертое яблоко, бювля, бювля
Словно поддержка отцу и матери, бювля,
Словно хозяин скакуна, бювля, бювля
Словно крылья золотисто-солового скакуна, бювля, бювля
Словно помощник братьям и сестрам, бювля
Словно запах [благоухающего] сандала, бювля, бювля
Словно красота пестрого цветка, бювля, бювля
Словно волна внешнего океана, бювля, бювля
Словно веточка священного сандала, бювля, бювля
Словно опора своей родине, бювля, бювля

Словно победитель врага, бювддя, бювддя

[Перевод здесь и далее Б. Манджиевой].

В данном образце колыбельной песни слово «бювддя» обозначает «качание», «укачивание». Мотив качания является одним из основных функциональных мотивов жанра и постоянно фигурирует в колыбельной. Колыбельная песня имеет особое значение – качание ритмически организует текст, а текст в свою очередь организует ритм качания. Постоянный повтор «*бүүвддэ, бүүвддэ*» по своей функции типологически сходен с мотивом убаюкивания, близким по частоте исполнения с общеизвестным «баю-баюшки-бай-бай» или «люли-бай, люли-бай» в русском фольклоре [5].

В ойратской фольклорной традиции бытует колыбельная песня «*Бүүвэ – Бүүвэ – Бүүвддэ!*», в которой образные и поэтические обороты речи выражают любовь отца к своему ребенку:

Бүүвэн аавин серүнциг.

Болгсн өвчүн завгт,

Булхчта чигэни умдта

Бүүвэ – Бүүвэ – Бүүвддэ!

Һууһар гүүгсн һурһлда мини,

Һолдж зүркни толтла мини!

Өрин сөөһин зүүдн болгсн,

Өрчин һагцхн уйлһ болгсн

Бүүвэ – Бүүвэ – Бүүвддэ!

У убаюкивающего отца бодрствующий,

Отварная грудинка в решетке юрты,

Взбитый кумыс в сосуде,

Бювя – Бувя – Бювддя!

Бегающий по оврагам соловей мой,

Находящееся в груди сердце мое!

Мой сон дневной и ночной,

Единственная в груди тревога моя,

Бювя – Бувя – Бювддя! [12]

Колыбельные песни, которые бытуют у монгольских народов, называются «буувэйн дун» – «песни буувэй» (*буувэ* – колыбель, убаюкивание) [13]. Профессором Ц.-Д. Номинхановым записана легенда среди западных монголов о происхождении этого названия. Содержание ее следующее: «Во время войны дербетов с халхасцами первые всегда одерживали победу над последними. В одно время халхасцы ухитрились одну вдову-

княгиню одеть в мужское военное платье, вооружили ее и дали ей имя Хатан. Княгиня эта имела на руках трехлетнего мальчика. Когда они отправились на битву против дербетов, ее сына положили в ящик-укуг и, укрепив на сарлыке, взяли с собой. Войско, в котором находилась эта княгиня, имело черное знамя. Перед тем как идти в бой, она остановилась на одном большом кургане и стала качать находящегося в люльке мальчика, при этом говоря: «Буува, Буува». В это время дербет-разведчик, услышав эти слова, распространил слух о том, что прибыли халхасские войска, у них черное знамя, под предводительством знаменитого богатыря «Хатан буува батара». От этого слуха, из-за боязни, их дербетские войска распались. И поэтому дербеты говорят, что этих слов боятся дети, собаки, которые перестают лаять. А ребенок успокаивается под звуки слов «Ца хатан буува, буува» [8].

Отмечено, что эти формулы-повторы «бүүвэ-бүүвэ», «бүүвлдэ-бүүвлдэ», «когда-то несли определенную смысловую нагрузку, которая с течением времени утратилась, и они по традиции остались в песне как простое звукоподражание» [1].

В калмыцкой колыбельной песне ребенка называют ласкательными именами, выраженными сравнительными оборотами: «словно вытертое яблоко», то есть ухоженный младенец, которого лелеет мать. Вместе с любовью к своему малышу мать дает первые знания об окружающем его мире, о делах которые его ждут в будущем, что он будет опорой и радостью отцу и матери, братьям и сестрам. По красоте ребенок сравнивается с благоухающим запахом сандала. Представления о сандале (зандн) как священном дереве у калмыков восходят к буддийской мифологии, согласно которой волшебный сандал (*санскр. kalpravrikxa*) обладает необычайной прочностью и чудесными свойствами исполнять желания, отгонять злых духов, исцелять больных, оживлять умерших; отсюда почитание аромата и цвета сандала как свойств благородного материала, ценимого наравне с золотом, серебром, шелком. Ребенку дают понятие о родине, которую возможно в будущем он должен защитить, победив многочисленных врагов.

В колыбельных песнях мать называет ребенка «*алтн шовун*» (золотая птичка), «*сээхн иньгм*» (прекрасный любимец), имеются такие параллелизмы как «*Түңг бутын йоралд / Туулан кичг бээнэ / Түгдһр бийэн хураһад / Түгдиж кевтэд унтж / Төрмһр көвүн, унтич!*» (У основания корневища ковыля / Зайчонок спрятался / Сутулое тело свое, собрав в комок / Стал засыпать / Мой малыш, спи!) [3]. Эти образы животных и птиц популярны в колыбельных песнях, как в русской колыбельной песне популярным персонажем является кот [2]. Древняя основа колыбельных песен, где «героем» избран кот, возникла в связи с поверьями о том, что мирное мурлыканье кота в доме приносит сон и покой ребенку.

Размеренная мелодия колыбельной песни успокаивала ребенка, приучала к человеческой речи, посредством колыбельной песни калмыки учили ребенка родному языку,

расширяли его предметный мир. Между тем современные исследования доказывают: колыбельные песни для новорожденных это залог того, что малыш вырастет успешным и уверенным в себе человеком, а также будет лучше застрахован от различных расстройств психологического характера в дальнейшем. Был проведен эксперимент, в ходе которого малышей разделили на две группы. Малыши из первой группы на ночь слушали колыбельные песни, которые им пели мамы, а малыши из второй группы вместо колыбельных слушали спокойную музыку. Результаты поразили всех. Дети из первой группы были более послушными, спокойными и даже превзошли своих сверстников в интеллектуальном развитии. Это объясняется тем, что в то время, когда поется колыбельная для малышей, между ребенком и его мамой формируется особая эмоциональная связь, имеющая огромное влияние на подсознание малыша. Ребенок тонко улавливает эмоции мамы, ее тембр голоса, такой знакомый и близкий, и от этого у него возникает чувство защищенности и покоя.

Таким образом, колыбельная песня калмыков играет важную роль в формировании и нравственном развитии личности, являясь особым средством общения матери с ребенком, позволяет малышу ощутить любовь, заботу и нежность, а вербальный текст выступает своего рода оберегом от злых духов, позволяя младенцу почувствовать себя защищенным.

Список литературы

1. Абакарова Ф.О., Алиева Ф.А. Очерки устно-поэтического творчества даргинцев. Махачкала, 1999. — С. 76.
2. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957. — С. 157.
3. Басангова Т.Г. Детский фольклор калмыков. — Элиста: КИГИ РАН, 2009. — С. 28.
4. Борджанова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). — Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. — С. 158.
5. Бровкина Е.В. Русская народная колыбельная песня как источник нравственности // Детский фольклор: Традиции и современность: Юдинские чтения – 2012: материалы междунар. науч.-практической конф.(Курск, 25-26 апреля 2012 г.) — Курск, 2012. — С. 190-191.
6. Еремина В. И. Ритуал и фольклор / Отв. ред. А. А. Горелов; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). — Л.: Наука Ленингр. отд-ние, 1991. — С. 47.
7. Кичиков А. Ш., Кичикова Р. Бүүвлдэ. Хальмг үнн. — 1983. — № 123.
8. НА КИГИ РАН. — Ф. 6. — Оп. 2. — ед. хр. 56.

9. Смирнов П. Путевые заметки по Калмыцким степям Астраханской губернии. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. — С. 77.
10. Хальмг туульс. 2 боть. — Элст, 1974. — С. 48.
11. Цацлын дееж. Барт белдснь Н. Содмон. — Элст, 1997. — С. 55.
12. Шинжэнэ өөрднрин күүкдин келнэ билг. Детский фольклор ойратов Синьцзяна. Сост., предисл. Н. Батбайра. Переложение с ойратской письменности (тодо бичиг) на современное калмыцкое письмо и пер. на рус. яз. Тодаевой Б.Х. – Элиста, 2010. — С. 9-10.
13. Яцковская К. Н. Народные песни монголов. — М.: «Наука», 1988. — С. 8.

Рецензенты:

Басангова Т.Г., д.фил.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения КИГИ РАН, г. Элиста;

Убушаев Н.Н., д.фил.н., старший научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики КИГИ РАН, г.Элиста.